

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ядгаров Яков Семенович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

yakovyadgarov@mail.ru

Аннотация. Исторически сложившиеся исследовательские традиции осмысления учеными-экономистами России процессов эволюции экономических идей и хозяйственной жизни в контексте их научных изысканий в прошлом и настоящем рассматриваются в статье через призму политико-экономического феномена российской школы экономической мысли, проявившей себя в период с последней трети XIX по первую треть XX столетия. Отмечается, что выдающийся российский академик Л.И. Абалкин, введя в научный оборот целостные концептуальные суждения о реалистичных и гуманистических основаниях российской школы экономической мысли, во многом обоснованно характеризует ее как результат переосмысления отечественными политэкономомы ценностями немецкой исторической школы, марксизма и раннего (ортодоксального) неоклассицизма. Солидаризируясь с видением Л.И. Абалкина, в числе наиболее значимых для судеб экономической науки нововведений в творческом наследии предшественников и непосредственных представителей российской школы экономической мысли изучены и обобщены специфические особенности определения ими предмета изучения политической экономии на уровне «народного хозяйства» и «общественного богатства». При этом особое внимание уделено их приверженности главным образом системному и междисциплинарному методам анализа, принципам этики, морали, нравственности и социальной справедливости. В числе обобщающих сформулирован вывод о том, что поскольку российскую политическую экономию, в том числе российскую школу экономической мысли, всегда отличали стремление обосновать механизмы трансформации хозяйственной жизни, осмыслить роль в экономике «человеческого капитала», научный долг российских ученых-экономистов заключается в продолжении и развитии этой традиции, обеспечении деидеологизации научных изысканий.

Ключевые слова: политическая экономия; российская школа экономической мысли; академик Л.И. Абалкин; гуманитарные и морально-этические ценности экономической науки; социально ориентированное рыночное хозяйство; «человеческий капитал».

Для цитирования: Ядгаров Я.С. Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли. Вестник Финансового университета. 2017. Том. 21. Вып. 3. С. 84–93.

УДК 330.075.8

JEL A11; B14

POLITICO-ECONOMIC PHENOMENON OF THE RUSSIAN SCHOOL OF ECONOMIC THOUGHT

Yakov S. Yadgarov,

ScD (Economics), full professor, Head of the Economic Thought History Section of the Economic Theory Department, Financial University, Moscow, Russia

yakovyadgarov@mail.ru

Abstract. The long-standing research traditions of Russian economists in matters of studying the evolution processes of economic ideas and economic life in the context of their past and present investigations are examined in the paper through the prism of the politico-economic phenomenon of the Russian school of economic thought

developed between the last third of the XIX and the first third of the XX century. It is noted that the outstanding Russian academician L.I. Abalkin, by introducing holistic conceptual judgments about the realistic and humanistic background of the Russian school of economic thought characterized it largely as a result of the rethinking by the domestic political economists of the values of the German historical school, Marxism and early (orthodox) neoclassicism. Sharing the views of Leonid Abalkin, the authors studied and summarized the most significant innovations in the creative heritage of predecessors and current representatives of the Russian school of economic thought, including specific features of their definition of the subject of studying political economy at the level of “national economy” and “social wealth”. Special attention is paid to their commitment primarily to systemwise and interdisciplinary methods of analysis, the principles of ethics, morality and social justice. It is concluded that since the Russian political economy, including the Russian school of economic thought, has always been distinguished by the desire to substantiate the mechanisms for economic life transformations and evaluate the role of “human capital” in the economy, it is the scientific duty of Russian economists to continue and develop this tradition ensuring the de-ideologization of scientific research.

Keywords: political economy; Russian school of economic thought; Academician Leonid I. Abalkin; humanitarian and moral-ethical values of economic science; socially-oriented market economy; “human capital”.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Обособление экономической науки в самостоятельное звено человеческих знаний восходит к временам теоретико-методологического противостояния двух политико-экономических начал — *политической экономии меркантилизма* (XVI–XVIII вв.), базирующейся на принципах протекционизма, и *классической политической экономии* (конец XVII–XIX вв.), основанной на принципах *laissez faire**. При этом оба термина — «политическая экономия» и «классическая политическая экономия» — вплоть до конца XIX в. почти неизменно фигурировали в сочинениях политико-экономической направленности не только для обозначения названия данной науки, но и отражения особенностей теоретических школ экономической мысли.

В данном контексте необходимо отметить, что в России, как и в зарубежных странах, возникновение различных школ экономической мысли и собственно политико-экономических знаний обусловили альтернативные изыскания адептов меркантилизма и классической политической экономии. Но, как очевидно из истории российской экономической науки, нововведения таких ее родоначальников, как Ю. Крижанич (середина XVII в.), И. Посошков (начало XVIII в.) и других способство-

вали формированию на рубеже XIX–XX столетий специфической российской школы экономической мысли. И, предваряя характеристику сущностных черт данной школы, представляется важным заметить, что она, являясь откликом на процессы, происходившие в «европейской науке», все же не копировала содержание (и тренды эволюции) зарубежных школ экономической мысли.

Объясняется это тем, что в научном плане политическую экономия (и выделяемые в ее составе школы экономической мысли) в принципе невозможно характеризовать как «истинно» российскую, немецкую, французскую либо американскую науку, не учитывая специфические черты экономической жизни разных стран (народов), «национальные» особенности, традиции политико-экономической мысли. Разве что в части отдельных методологических и теоретических сентенций российская политико-экономическая мысль действительно постоянно следовала за «западной» политической экономией, ибо отечественные политэкономы позиционировали свое творчество то в контексте меркантилистской либо либеральной исследовательской теоретико-методологической парадигмы, то — марксистской либо маржиналистской. Однако важно подчеркнуть, что российские исследователи отнюдь не воспринимали «западные» политико-экономические парадигмы безоговорочно и безоголядно. Вот почему особенные черты российской школы экономической мысли, разнообразие и зачастую альтернативный характер выводов российских политэкономов позволяют утверждать, что она являет собой *специфический отечественный политико-экономический феномен*.

Именно с вышеуказанных позиций проблематика собственно политико-экономической интер-

* Термин «политическая экономия» был введен в научный оборот в 1615 г. французским меркантилистом А. Монкретьеном, озаглавившим свою книгу словами «Трактат политической экономии». Термин же «классическая политическая экономия» впервые использовал К. Маркс, заявив о сути этого понятия в 1867 г. в I томе своей книги «Капитал» [1, с. 91].

претации содержания понятия «школа экономической мысли» явилась центральной в повестке дня состоявшейся 15–16 ноября 2000 г. научной конференции «Российская школа экономической мысли: прошлое и настоящее», на которой в качестве главного был представлен доклад академика Л. И. Абалкина на тему: «Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения». В его докладе впервые в обобщенном и систематизированном виде были изложены целостные концептуальные размышления и суждения о том, какой теоретико-методологический смысл вбирает в себя политэкономическая категория «школа экономической мысли» и в чем состоят ее сущностные и особенные черты. А в числе заключительных обобщающих положений сформулирован вывод об исторически сложившемся российском политико-экономическом феномене, который академик предложил именовать «Российская школа экономической мысли» [2, с. 4].

Особенные черты российской школы экономической мысли, разнообразие и зачастую альтернативный характер выводов российских политэкономов позволяют утверждать, что она являет собой специфический отечественный политико-экономический феномен.

Аргументацию своей позиции в части восприятия содержательных аспектов теоретико-методологических оснований данного феномена Л. И. Абалкин увязывает с воззрениями лучших, на его взгляд, российских исследователей конца XIX — начала XX столетия и прежде всего С. Ю. Витте. Этот ученый и государственный деятель, по Абалкину, явился «первым, кто открыто заявил о необходимости построения экономической мысли, основанной на индивидуальных особенностях „русского грунта“» и признал следующий непреложный факт: «До тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономики, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, ...до тех пор то, что создано вчера, будет считаться дурным завтра, и будем создавать сегодня то, что уничтожено вчера; и понятно, что до тех пор мы не будем жить правильно экономической жизнью, а будем

идти на буксире заграничных веяний и всяких спекуляций на счет народного благосостояния» [3, с. 162]. Но со времен С. Ю. Витте, убежден академик, вопрос о формировании в указанном периоде российской школы экономической мысли и его особенностях «пока не имеет окончательного ответа» и все еще требует системных попыток для получения «окончательных ответов на возникающие здесь проблемы» [2, с. 5].

В докладе академика Л. И. Абалкина обращает на себя внимание всесторонняя аргументация общих и отличительных черт, специфических особенностей двух выделяемых им основных этапов эволюции российской школы экономической мысли. О непосредственных, на его взгляд, адептах данной школы он заявил следующее: «Российская школа экономической мысли сложилась в конце (в последней трети) XIX века и просуществовала до начала 30-х годов XX века. В нее вошли такие выдающиеся ученые и политические деятели, как М. И. Туган-Барановский и его ученик Н. Д. Кондратьев, С. Ю. Витте и Д. И. Менделеев, Н. К. Михайловский и М. М. Ковалевский, В. П. Воронцов и А. И. Васильчиков, Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов (Ленин), П. Б. Струве и Н. С. Булгаков, Д. И. Пихно и А. А. Богданов, А. И. Чупров и И. И. Янжул, Е. Е. Слуцкий и В. К. Дмитриев, С. Н. Прокопович и А. Д. Билимович, А. В. Чаянов и А. Н. Челинцев, Л. Н. Юровский и Г. А. Фельдман, многие другие» [2, с. 31–32]. В этом промежутке времени первый этап (70-е — 90-е гг. XIX в.) характеризуется академиком, по сути, как этап переосмысления и преломления ценностей так называемой немецкой исторической школы, с одной стороны, и марксистского экономического учения, с другой. Второй — завершающий этап эволюции этой школы (первая треть XX столетия) как этап критического восприятия нововведений теоретических школ марксизма и базирующихся на них маржиналистских постулатах теоретических школ раннего (ортодоксального) неоклассицизма.

Согласно Абалкину, при рассмотрении общих признаков формирования теоретических школ и содержательных аспектов каждого из указанных этапов эволюции российской школы экономической мысли совершенно очевидны приверженность российских политэкономов реалистичным и гуманистическим ценностям, аргументированное неприятие ортодоксальных сентенций «классиков» политической экономики, последователей марксистской и маржиналистской исследовательской парадигмы. Эти обстоятельства, подчеркивает академик, свидетельствуют об их стремлении с системных и междисциплинарных позиций обосновать

собственное видение социально-экономической трансформации российского общества.

Между тем, говоря о признаках формирования теоретических школ в истории экономической науки, следует руководствоваться тем положением, что они (признаки) весьма многообразны и неоднозначны. Так, широко известно, что наиболее распространенный и безоговорочно принимаемый научным экономическим сообществом сущностный признак характеристики школы экономической мысли сводится к принципу «учитель — ученики» либо «лидер — последователи». Но в экономической литературе, как в прошлом, так и в настоящем, нередко упоминаются некие школы экономической мысли в контексте «регионального» («западная школа», «европейская школа» и пр.) признака. Различают школы экономической мысли по «страновому» и «этническому» («английская школа», «французская школа», «американская школа» и пр.) признакам. Известны и примеры «признания» школ экономической мысли по месту их «самовыражения» в соответствующем городе либо столице государства, где функционируют те ли иные университеты («лозаннская школа», «кембриджская школа», «чикагская школа» и пр.). Возникновение школ экономической мысли в ряде случаев трактуется также по «отраслевому» признаку (как-то: «физиократическая школа», «математическая школа», «историческая школа») и т.д.

В отношении первого из указанных признаков необходимо заметить следующую логику исследователей. Признак «учитель — ученики» либо «лидер — последователи» совершенно понятен и недвусмысленный, поэтому вполне правомерно его принятие широкой читательской аудиторией. Руководствуясь этим признаком, стало почти общепринятой традицией выделять, к примеру, «школу А. Смита» и «школу Д. Рикардо», «школу А. Маршалла» и «школу Дж. М. Кейнса» и многие другие. Поэтому фактически этот признак является если не общепринятым, то бесспорно доминирующим при дифференциации научным экономическим сообществом школ экономической мысли.

В свою очередь, согласно «региональному» признаку или, что одно и то же, «географическому» («западная школа», «европейская школа», «кембриджская школа», «лозаннская школа» и пр.) и «страновому» признакам при характеристике школы экономической мысли предполагается целесообразным вести о них речь в контексте отдельно каждой из двух их сущностных составляющих. В частности, ныне общеизвестно, что эти признаки в части географической составляющей встречаются,

как правило, в изысканиях приверженцев идеологии, базирующейся на классово-формационном подходе, восходящем к творческому наследию К. Маркса. Впоследствии данная географическая составляющая признака при характеристике школы экономической мысли была присуща, главным образом, общегосударственной идеологии советского периода, adeptы которой явно либо неявно нередко встречаются и в наше время. Тенденциозность географической составляющей подхода к характеристике школы экономической мысли видится в том, что «едва ли вообще кому-либо известна, скажем, „северная” или „южная” экономическая наука или теория», да и вряд ли в принципе возможно «обозначить хоть какие-то критерии обозначения границ „восточной” экономической теории» [4, с. 16].

Если же вести речь о региональной составляющей этих признаков, следует признать, что и здесь также не все однозначно в части характеристики неких общих черт той или иной школы экономической мысли. Скажем, если говорить о так называемых кембриджской либо лозаннской школах, то характеристика каждой из них должна, по-видимому, ассоциироваться с конкретным периодом времени. Например, несомненный глава кембриджской школы А. Маршалл обозначил маржиналистские ценности данной школы, включая положения о приоритетной роли в экономическом анализе принципов свободной (чистой) конкуренции, свободного ценнообразования и саморегулируемости экономики. Но многие из его учеников (кроме А. Пигу, который унаследовал вслед за ним заведование данной кафедрой), включая таких именитых выпускников кембриджского университета, как Дж. Робинсон и Дж. М. Кейнс, едва ли в принципиальном плане могут быть отнесены к представителям кембриджской школы. Достаточно вспомнить, что первая из них со всей убежденностью дистанцировалась от маршаллианства (и, соответственно, от «ключевых» ценностей кембриджской школы), введя в научный оборот свою теорию несовершенной конкуренции, а второй — теорию государственного регулирования экономики [5, с. 15].

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Выше были обозначены аргументированные академиком Л. И. Абалкиным предпосылки обособления и этапы развития российской школы экономической мысли. Речь шла также о выявленной

им приверженности российских политэкономов, в отличие от зарубежных коллег, гуманитарным и морально-этическим ценностям, принципам честности, доверия, нравственности и духовности, обращенности к поиску реалий хозяйственной жизни, видению страны как единого целостного организма.

Специфической чертой социальной ориентации политической экономии в России с самого начала было то, что российские исследователи не ограничивались лишь вопросами материального благосостояния, стремясь подняться до понимания необходимости развития человеческого потенциала во всей его целостности.

В самом деле, задолго до «Богатства народов» (1776) А. Смита предвестники российской школы экономической мысли Ю. Крижанич в работе «Политика» (1663) [6] и И. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» (1724) [7] критически восприняли узость смитовского умозаключения о богатстве. Они настаивали на том, что богатство страны и ее граждан не следует отождествлять лишь с денежными накоплениями и материальными благами. С их точки зрения, «истинное» богатство вбирает в себя одновременно вещественные и неувещественные составляющие и по этой причине интересы приумножения богатства Российского государства требуют продуманной протекционистской экономической политики, осуществления взвешенных реформ [8, с. 55].

Наперекор грядущим либеральным сочинениям Ф. Кенэ и А. Смита «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова привлекает к себе внимание тем, что, в отличие от их работ, начинается не с размышлений о создании и приумножении материального богатства, а с главы «О духовности». Не случайно, что этот российский ученый во введении к своему сочинению отмечает о том, что «более же вещественного богатства надлежит всем нам сообща заботиться о неувещественном богатстве, то есть об истинной правде. ...Когда правда в нас утвердится и твердо укоренится, то не можно царству нашему

российскому не обогатиться и славою не возвыситься. ...Без насаждения правды и без истребления обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей никоими мерами народу всесовершенно обогатиться невозможно» [7, с. 15].

Итак, правомерно полагать, что специфической чертой социальной ориентации политической экономии в России с самого начала было то, что российские исследователи не ограничивались лишь вопросами материального благосостояния, стремясь подняться до понимания необходимости развития человеческого потенциала во всей его целостности. Даже спустя столетие, в первой половине и середине XIX в., преломление концепции экономического либерализма с позиций нравственности и морали смогли в духе Крижанича — Посошкова обеспечить в своем творчестве такие российские смитианцы мануфактурного периода, как Н. С. Мордвинов, А. К. Шторх и М. М. Сперанский. С именами А. И. Бутовского и И. В. Вернадского связаны оригинальные (с учетом моральных и нравственно-этических аспектов) альтернативные извлечения из смитианского экономического учения в трудах смитианцев постмануфактурного периода.

Названных выше предшественников российской школы экономической мысли (а впоследствии и ее наиболее именитых представителей) сближает своеобразие видения предмета и методологии политико-экономических исследований. В их изысканиях предмет изучения охватывает, как правило, государственное или народное хозяйство, хозяйственную деятельность и общественное богатство, а методологические основания базируются, прежде всего, на постулатах и подходах системного и междисциплинарного анализа с включением в объект своего исследования вопросов взаимодействия морально-этических начал, организации экономической жизни общества.

В новациях предшественников российской школы экономической мысли весьма заметна роль первого российского академика по разряду политической экономии А. К. Шторха, который в своем шеститомном курсе политической экономии, изданном в 1815 г., в целях «расширения» предмета данной науки, настаивал на включении в него еще и проблематики различных сфер «цивилизации». Через призму его размышлений о цивилизации трактуется сущность нематериальных, духовных ценностей с пожеланием непременно учитывать следующее обстоятельство: создание «нематериального капитала» (здоровье, развитие способностей

человека, досуг, безопасность) так же способствует приумножению богатства, как и создание материальных ценностей. Поэтому если, по А. Смит, все, кто производит услуги, живут за счет крестьян и промышленных рабочих, то, по мнению А. Шторха, с тем же основанием можно утверждать, что крестьяне и промышленные рабочие живут за счет тех, кто своим «духовным трудом» обеспечивает их безопасность, снабжает их знаниями, заботится об их здоровье.

В духе академика А. К. Шторха критиковал классическую политическую экономию за забвение морально-этических начал и А. И. Бутовский, издавший написанный впервые на русском языке учебник по политической экономии и, будучи ученым-экономистом, удостоенный должности директора департамента финансов и статуса сенатора и обер-прокурора Сената. В его книге «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» (1847) [9] проводилась мысль о неправомерности смитовских суждений о необходимости доминирования частных интересов над общественными. А немногим позднее (в середине и второй половине XIX в.) сферу критического осмысления либеральных оснований классической политической экономии расширили социально-экономические идеи и реформаторские воззрения в произведениях лидеров российского утопического социализма В. А. Милютина, Э. Р. Вредена, Н. Г. Чернышевского.

Непосредственное «начало» российской школы экономической мысли, имея в виду приходящийся на последнюю треть XIX в. ее первый этап, обусловили попытки нового поколения отечественных политэкономов — А. Н. Миклашевского, С. Ю. Витте, К. И. Бабста, А. И. Чупрова, И. И. Янжула и других — «задействовать» в своих изысканиях методологические нововведения немецкой исторической школы. Таковыми явились, прежде всего, положения неабсолютизации доктрины *laissez faire*, учета влияния на хозяйственную жизнь совокупности экономических и неэкономических факторов (вплоть до протекционистских мер государства).

Кстати, в их числе профессор К. И. Бабст в работе «Изложение начал народного хозяйства» (1872) в духе предвестников российской школы экономической мысли выделял нравственный капитал, заключающийся, по его мнению, в народной честности, народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу. В свою очередь, профессор Московского университета А. И. Чупров (на протяжении четверти века возглавляя кафедру политической экономии и статистики, воспитал несколько поколений рус-

ских экономистов) издал в 1891 г. курс лекций, который переиздавался вплоть до 1918 г., став одним из общепризнанных учебников по политической экономии; в числе прочего он высказывал убеждение о необходимости соединения преимуществ частного предпринимательства с государственным сектором, особенно в тех областях, где это необходимо для общества, но не может быть обеспечено частным капиталом.

Добавим к сказанному, что яркий государственный и общественный деятель России С. Ю. Витте критиковал безжизненный материализм и «космополитизм» классической политической экономии, видящей повсюду только меновые ценности и не принимающей во внимание нравственных интересов настоящего и будущего [10]. А, по мысли академика И. И. Янжула, в число основных составляющих экономического роста следует непременно включать еще и фактор честности [11].

Теоретико-методологические черты российской школы экономической мысли выразились в ее внимании к преимущественно гуманистическим и морально-этическим ценностям.

В последующем эти особенные теоретико-методологические черты российской школы экономической мысли выразились в ее внимании к преимущественно гуманистическим и морально-этическим ценностям (факторам) рыночной системы хозяйствования и нашли широкое продолжение в российской политико-экономической литературе. Поэтому не будет преувеличением сказать, что благодаря включению ее адептами в объект политико-экономических исследований нравственных аналитических аспектов проистекает такая традиция российской политико-экономической мысли, как несводимость осмысления эффективности хозяйственной жизни к экономическим показателям. Данная традиция присутствует у российских ученых и в наши дни, в том числе в дискуссиях о нравственности и социальной справедливости экономических решений, принимаемых будь-то «сверху» либо «снизу». Практический российский опыт свидетельствует, что самые «благие» преобразования, пусть и лежащие в русле объективно необходимых перемен, но проводимые без учета

категорий нравственности, морали, этики, социальной справедливости в их специфически российском, народном понимании («по справедливости», «по-божески», «по-людски» и т.п.), лишь усиливали неизбежные при внедрении всего нового реакции отторжения.

Важно отметить и то, что даже тогда, когда в качестве исходной точки анализа предусматривалось выделение индивидуального или семейного хозяйства, они рассматривались как органическая часть народного хозяйства, поставленная в систему народнохозяйственных связей, отношений и народнохозяйственной целостности. Что же касается таких аспектов экономических отношений, как ценность, полезность, имущество, собственность, распределение, обмен, взаимосвязи между ними и т.д., то их трактовки во многом зависели от того или иного понимания сути народного хозяйства или общественного богатства. И хотя указанные и некоторые другие методологические черты российской школы экономической мысли были присущи ей в разной мере, но именно их воздействие обусловило целостные представления о предмете, методе политической экономии, ее структуре и задачах в контексте целесообразности сочетания теоретической и социально-экономической направленности политико-экономических разработок.

Российская школа экономической мысли не смогла подняться до взвешенного анализа и выявления связи между социальными и экономическими интересами, освободиться от довлеющего влияния различных политических и социальных сил. Как следствие, не были найдены основы рационального общественного устройства страны в будущем и пути движения к нему.

Таким образом, можно констатировать непреложный факт, свидетельствующий о том, что творческое наследие российской школы экономической мысли в полной мере может быть отнесено к истокам, которые исторически более чем на столетие предвосхитили появление теории «человеческого капитала», других нововведений институционализ-

ма, формулирование аналитического инструментария социального рыночного хозяйства.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ РЕАЛИСТИЧНОСТИ

Каждый из двух этапов эволюции российской школы экономической мысли, охватывающие, как отмечал академик Л.И. Абалкин, с 70-х гг. XIX до 30-х гг. XX столетия, отличали весьма острые споры и дискуссии в сочинениях ее адептов. Возникшее при этом разномыслие было обусловлено, главным образом, тем, с каких позиций — марксизма либо маржинализма — может быть найдено «объяснение» наметившихся в тот период в стране динамичных процессов социально-экономического развития и усиливающихся кризисных явлений.

Тесная связь представителей российской политико-экономической мысли в указанном периоде с различными политическими силами означала неизбежность работы на эти силы и интересы, чрезмерную политизацию науки. Это обстоятельство отчасти негативно отразилось на возможностях выполнения ее основной функции — приращение научного знания об основах организации хозяйственной жизни. Нельзя поэтому не признать, что российская школа экономической мысли не смогла подняться до взвешенного анализа и выявления связи между социальными и экономическими интересами, освободиться от довлеющего влияния различных политических и социальных сил. Как следствие, не были найдены основы рационального общественного устройства страны в будущем и пути движения к нему.

Не прибегая к излишней детализации, следует указать на общность позиций в научных изысканиях видных представителей российской школы экономической мысли конца XIX — начала XX в. так называемых легальных марксистов М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве и С.Н. Булгакова. Каждый из них «по-особенному» интерпретируя место и роль марксистского учения в процессе эволюции экономической науки, во-первых, в духе К. Маркса, руководствовался положениями о социальной несправедливости и неравномерном распределении доходов между основными классами общества. Во-вторых, принимал солидарную с автором «Капитала» позицию о неслучайном характере объективно присущих экономике свободной конкуренции (капитализму) перманентных кризисов перепроизводства, цикличности развития этого способа производства, «преходящем характере капитализма» и присущих ему «законов».

Однако неабсолютизация названными российскими «легальными марксистами» трудовой теории стоимости предопределила ряд неординарных нововведений каждым из них. В данном контексте совершенно очевидна существенная научная новизна результатов изысканий, например, М. И. Туган-Барановского, хотя он, казалось бы, в духе марксистского учения, был привержен суждениям об обусловленности хозяйственных кризисов «антагонистическим» и «неорганизованным» характером «капиталистического хозяйства», отсутствием «планомерного распределения общественного производства». Но в то же время этот ученый решительно отрицает «схемы Маркса» о непреложном уничтожении «крестьянских хозяйств» в процессе концентрации производства «крупным капиталистическим производством», аргументирует собственную теоретическую версию ценообразования в товарном мире, базирующуюся одновременно на базе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности.

П. Б. Струве в своей критике марксизма пошел несколько дальше М. И. Туган-Барановского, выразив не только неприятие марксовской трудовой теории стоимости, но и марксистского положения о «преходящем характере капитализма», ибо России, на его взгляд, предстоит стать «богатой капиталистической страной». Что же касается отхода С. Н. Булгакова от марксистского учения, то это очевидно как из непризнания переходящего характера «капитализма», так и одновременно с этим неприятия им социалистического учения как учения, лишённого «поэзии и очарования» и «истинной религиозности» и извращенного «грубым идолопоклонством».

Еще одна составляющая критического восприятия российской школой экономической мысли марксизма на рубеже XIX–XX столетий сложилась на основе разномыслия в ту пору в связи с распространением маржиналистского теоретико-методологического инструментария, а также актуализацией предельного экономического анализа. Данные обстоятельства способствовали дифференциации представителей российской политической экономии на приверженцев и противников маржинализма. В связи с этим можно отметить, что еще до свершения в конце XIX в. «маржинальной революции» ряд российских исследователей (судя, например, по сочинениям Н. Х. Бунге и Д. И. Пихно), не принимая однокритериальную затратную теорию стоимости классической политической экономии, придерживались двухкритериальных (но немаржиналистских) теорий стоимости. Тем самым они

как бы опосредованно принимали маршаллианскую теоретическую конструкцию взаимодействия в процессе ценообразования спроса и предложения. Так, согласно Н. Х. Бунге, ценности товаров, будучи обусловлены спросом и предложением, являются собой «условия социальные». Д. И. Пихно же в свою очередь критиковал попытки решения научно-практических вопросов «по шаблону европейского либерализма», интерпретируя при этом собственную версию теории стоимости в контексте «закона спроса и предложения».

Первичным для лидеров российской школы экономической мысли чаще всего было осознание необходимости реформирования общества в соответствии с теми или иными представлениями о его рациональных основах и сущностных чертах.

Яркий представитель российской школы экономической мысли и один из приверженцев предельного экономического анализа В. К. Дмитриев довольно успешно использовал математические формулы и уравнения, в том числе рассчитывая (наподобие А. Маршалла) прийти к «заключенной теории ценности (на реалистической основе)». Правда, в отличие от А. Маршалла, в этих целях российский ученый трактовал механизм определения «высоты цены продукта» на базе учета «технических условий производства» (предельных издержек) и «психофизиологических условий его потребления» (предельной полезности). Наконец, особенности восприятия «советской» научной идеологии и хозяйственной политики в теоретико-методологических изысканиях как Н. Д. Кондратьева, так и А. В. Чаянова тоже в значительной мере основываются на не абсолютизации идеологии марксизма и классической политической экономии и одновременно с этим не отторжении маржиналистского аналитического инструментария.

Подавляющим большинством представителей российской школы экономической мысли во главу угла традиционно ставились вопросы глобального переустройства (трансформации) российского общества. Многих из них в связи с этим сближает то, что, даже предлагая разные (порой взаимоисключающие) пути и способы такого переустройства, они

в своих спорах и дискуссиях, как правило, находили некое взаимопонимание и солидарную в целом научно-практическую позицию, выражавшуюся в «общем понимании» несовершенства существующих социально-экономических механизмов, стремлении их целостного переустройства. При этом первичным для лидеров российской школы экономической мысли чаще всего было осознание необходимости реформирования общества в соответствии с теми или иными представлениями о его рациональных основах и сущностных чертах.

Альтернативные представления эффективной будущности социально-экономического развития России с учетом менталитета русского народа и его ценностных ориентиров нашли выражение в двух основных подходах в творчестве приверженцев российской школы экономической мысли к оценке прошлого и будущего страны. Согласно первому из них, Россия в силу ряда особенностей и факторов, сдерживавших ее развитие, отставала от западной цивилизации, и ее будущее виделось в преодолении этого отставания, освоении западной культуры (в широком смысле этого понятия), переходе к «западным», «буржуазным», «капиталистическим» формам общественного устройства. Второй подход был связан с пониманием и обоснованием «особости» путей развития России, обусловленной изначальными специфическими чертами страны, ее народа и его жизненного уклада.

Эти уходящие вглубь истории России подходы, обусловившие феномен российской школы экономической мысли, довольно заметно проявляют себя в творчестве многих отечественных исследователей постсоветского периода для обоснования моделей трансформации экономики страны. Поэтому и прежде, и ныне отечественным исследователям, во-первых, нужно учитывать, что увеличивавшаяся в течение нескольких веков и достигшая огромных размеров территория России состоит из множества обособленных регионов, различающихся между собой природно-климатическими, ресурсными, национальными, производственно-экономическими, социокультурными и иными характеристиками. А, во-вторых, понимать, что первостепенная задача, объективно стоящая перед страной, заключается в поддержании ее целостности и экономической безопасности, что сложность и важность этой задачи предопределена многонациональной сущностью страны, перманентными внешними и внутренними кризисами и угрозами, ставящими под вопрос не только ее целостность, но и, собственно, существование.

И, если в российской школе экономической мысли (учитывая еще и ее предысторию) сложились некие традиции, то в нынешних условиях, прежде всего, должна в полной мере быть востребована та, которая характерна в целом для представителей отечественной науки — высокая гражданская позиция. В российской политической экономии мы связываем ее с такими именами, как А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, А.Я. Кронрод и многих других, отстаивающих свои научные позиции в самых неблагоприятных условиях, создаваемых властью предрержащими. При этом сегодня, как и в прошлые периоды, требует своего решения задача обеспечения такой экономической мощи, которая сама по себе придаст России статус одного из мировых экономических центров.

Наконец, следует особо обратить внимание на тот факт, что исторически централизованное устройство России расширило функции и повысило роль государства в экономике и других сторонах общественной жизни. Соответственно мобилизующая роль государства, обеспечение примата общественных интересов перед индивидуальными, групповыми интересами явились, можно сказать, способом выживания нации, предопределили близость парадигмы российской школы экономической мысли, возникшей в начале XX столетия, теоретико-методологической парадигме институционализма.

ВЫВОДЫ

1. Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли, охватывающий период с последней трети XIX по первую треть XX столетия, предопределили своим творчеством предшествующие этой школе отечественные исследователи и непосредственные ее представители.

2. Лидеры российской школы экономической мысли не абсолютизировали и не копировали зарубежные политико-экономические знания, руководствуясь реалистичными и гуманистическими ценностями, а также положением о том, что экономический рост не измеряется лишь темпами роста валового национального продукта.

3. Присущий российской школе экономической мысли эволюционный и междисциплинарный подходы позволяли ее представителям учитывать фактор глобализации всех сторон жизни общества, ставить перед собой задачи, связанные с решением проблем разработки целостной программы трансформации складывающихся в стране социально-экономических институтов.

4. Традиции поиска российской школой экономической мысли механизмов трансформации хозяйственной жизни более чем на столетие предвосхитили институциональный методологический инструментарий и теорию «человеческого капитала», из чего следует, что научный долг российских ученых-экономистов заключается в продолжении и развитии этих традиций на принципах всемерной деидеологизации научных изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1983.
2. Абалкин Л. И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН, 2000.
3. Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. 2-е изд. Киев, 1884.
4. Ядгаров Я. С. История экономических учений: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007.
5. Ядгаров Я. С. Российская школа экономической мысли: сущность и дискуссионные аспекты // Вестник института экономики РАН. 2015. № 5. С. 7–18.
6. Крижанич Ю. Политика. М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2003.
7. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Редакция и комментарии доктора исторических наук проф. Б. Б. Кафенгауза. М.: Издательство АН СССР, 1951.
8. Сорокин Д. Е. Какой будет траектория развития экономики России? // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1. С. 48–55.
9. Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. В 3-х т. СПб., 1847.
10. Витте С. Ю. Национальная экономика и Фридрих Лист. М., 1889.
11. Янжул И. И. Экономическое значение честности (Забытый фактор производства). М., 1912.

REFERENCES

1. Marx K. Kapital. Kritika političeskoj èkonomii. T. I. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala [Capital. Criticism of Political Economy. V. I. Book. 1. The Capital Production Process]. Moscow, Politizdat, 1983 (in Russian).
2. Abalkin L. I. Rossiyskaya shkola ekonomicheskoy mysli: poisk samoopredeleniya [The Russian School of Economic Thought: the Search for Self-Idenbtification]. Moscow, The RAS Institute of Economics, 2000 (in Russian).
3. Witte S. Yu. Printsipy zheleznodorozhnykh tarifov po perevozke грузов [Principles of Railway Tariffs for the Carriage of Goods]. 2 nd ed. Kiev, 1884 (in Russian).
4. Yadgarov Ya. S. Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: uchebnik. 4-ye izd., pererab. i dop. [History of Economic Doctrines: textbook. 4 th ed., rev. and suppl]. Moscow, INFRA-M, 2007.
5. Yadgarov Ya. S. Rossiyskaya shkola ekonomicheskoy mysli: sushchnost' i diskussionnyye aspekty [The Russian School of Economic Thought: Principles and Discussion Aspects]. *Vestnik instituta ekonomiki RAN – Bulletin of the RAS Institute of Economics*, Moscow, 2015, no. 5, pp. 7–18 (in Russian).
6. Krizhanich Yu. Politika [Politics]. Moscow, «Ekonomicheskaya Gazeta» Publishing House, 2003 (in Russian).
7. Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugiye sochineniya. Redaktsiya i komentarii doktora istoricheskikh nauk prof. B. B. Kafengauza [The Book of Scarcity and Wealth and Other Works. Editorship and Comments of Doctor of History prof. B. B. Kafengauz]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951 (in Russian).
8. Sorokin D. E. Kakoy budet trayektoriya razvitiya ekonomiki Rossii? [What will be the Development Trajectory of the Russian Economy?]. *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye – Efficient Crisis Management*, 2010, no. 1, pp. 48–55 (in Russian).
9. Butovskiy A. I. Opyt o narodnom bogatstve ili o nachalakh politicheskoy ekonomii [National Wealth Experience or about the Principles of Political Economy]. In 3 Volumes. St. Petersburg, 1847 (in Russian).
10. Witte S. Yu. Natsional'naya ekonomika i Fridrikh List [National Economy and Friedrich List]. Moscow, 1889 (in Russian).
11. Yangzhul I. I. Ekonomicheskoye znacheniye chestnosti (Zabytyy faktor proizvodstva) [The economic Importance of Honesty (Forgotten Production Factor)]. Moscow, 1912 (in Russian).